

Часть I

ОТ НАРОДНИЧЕСТВА К МАРКСИЗМУ
(1876—1883 годы)

Глава I

НАРОДНИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Наиболее ранние работы Плеханова относятся еще к народническому периоду его мировоззрения и деятельности, продолжавшемуся с конца 1875 до лета 1883 г. Плеханов был активным народником на протяжении длительного времени и принимал самое непосредственное участие в борьбе революционного народничества второй половины 70-х годов против царского режима в России. Уже в 1876 г. он присоединился к кружку Натансона, Оболенева и др. (впоследствии из этого кружка образовалась петербургская группа «Земли и воли»), а в декабре выступил с речью на демонстрации, организованной землевольцами, когда

«... на площади соборной
В столице русского царя
«Земли и воли» флаг народный
Взвился шестого декабря»¹.

Побывав после этого во время своей первой эмиграции в Берлине, Женеве и Париже, он еще больше укрепился в незыблемости народнических взглядов, обнаружив резко отрицательное отношение к немецкой социал-демократии. Плеханов участвовал в знаменитом «хождении в народ» и, руководствуясь лозунгом его энтузиастов: «Где слышишь стон — туда иди!», отправился в

¹ А. Ельницкий. Г. В. Плеханов. Пг., 1912, стр. 7.

июле 1877 г. в Саратов, затем Аткарск, пытаясь определить на должность школьного учителя². Являясь решительным сторонником бакунизма с его лозунгами бунтарства, он в Саратове полемизировал с лавристами. Как свидетельствует в своих воспоминаниях Р. М. Плеханова, осенью 1877 г. на одной из сходов народнической молодежи Петербурга он выступил с речью, которая «отличалась стройным, логичным изложением бакунинских взглядов»³. Сам Плеханов позднее писал в предисловии к первому изданию своих сочинений в 1905 г. (в Женеве): «В народнический период моего развития я — как и все наши народники, — находился под сильным влиянием сочинений Бакунина»⁴. Как указывает в своих воспоминаниях М. Попов, народники 70-х годов, агитируя крестьян, «не стеснялись подкреплять свою пропаганду ссылками на Лассалья и Прудона», после чего слушатели выражали желание «залассалить» и «запрудонить» «всех их, аспидов наших», т. е. «царствие, жандармствие, дворянствие, поповствие»⁵. Авторитетами для Плеханова были также Чернышевский, Маркс, Лавров. 31 октября 1881 г. он писал П. Лаврову, что «с тех самых пор, как во мне начала пробуждаться» критическая мысль, «Вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами»⁶. Больше того, осенью 1877 г., как утверждают мемуаристы, Плеханов «с жаром, с горящими глазами говорил о сектантах, как о лучшем отражении русского народа», возлагая на их революционность большие надежды⁷.

Когда в январе 1878 г. последовал знаменитый выстрел В. И. Засулич в петербургского генерал-губернатора Трепова, то, по свидетельству Л. Дейча, Плеханов с восторгом отзывался о ней, одобряя «геройский подвиг Засулич»⁸. Летом того же года он повторил свой опыт «хождения в народ» и отправился на Дон, в станицу

² См. О. В. Аптекман. Г. В. Плеханов, 1924, стр. 18.

³ Р. М. Плеханова. Периферийный кружок «Земли и воли». Сб. «Группа "Освобождение труда"», 1926, № 3, стр. 85.

⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. I, ГИЗ. 1920, стр. VII.

⁵ М. Попов. «Земля и воля» накануне Воронежского съезда. М., 1926, стр. 29.

⁶ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. I. Соц. эгиз, М., 1940, стр. 206.

⁷ Р. М. Плеханова. Ук. соч., стр. 88.

⁸ Сб.: «Группа "Освобождение труда"», 1925, № 3.

Каменскую, поднимать «вольное казачество» на восстание против русского царя. Затем зимой 1878/79 г. Плеханов разъясняет землевольцам Петербурга книжки Флеровского («Положение рабочего класса в России», «Азбука социальных наук») и упражняется «на табуретах в умении действовать кинжалом», имея под подушкой «всегда наготове револьвер и кастет», допуская применение террора «на почве агитации среди крестьян и рабочих»⁹. В эту пору он печатал корреспонденции и статьи в изданиях землевольцев, а с весны 1879 г. по предложению Михайлова стал одним из редакторов их органа «Земля и воля»¹⁰, вместе с Морозовым и Ф. Клеменцом¹¹. Дейч говорит, что это произошло уже осенью 1878 г., но допускает ошибку.

В конце июля 1879 г. Плеханов явился на знаменитый Воронежский съезд землевольцев как правоверный народник и решительно защищал на нем старую программу «Земли и воли». Его разрыв с народовольческой группой А. Михайлова был вызван разногласиями только по одному из актуальных вопросов народничества, именно по вопросу о масштабах антиправительственного террора, причем Плеханов вовсе не являлся принципиальным противником последнего, раз он тогда и после допускал применение, например, «аграрного террора».

Поэтому демонстративный уход Плеханова с Воронежского съезда и последующее создание им в октябре 1879 г. (вместе с Дейчем, Аксельродом, Стефановичем) особой группы «Черный передел» вовсе не были переходом на позиции марксизма, и напрасно троцкистские «интерпретаторы» литературного наследия Плеханова (Тер-Ваганян) утверждали впоследствии, что уже в январе 1879 г. его народничество «висело на волоске», а с осени 1880 г. Плеханов якобы ушел от народничества «бесповоротно» и зимой 1880/81 г. окончательно преодолел в себе бакунизм. По свидетельству участника съезда М. Попова, в момент раскола землевольцев «разница во взглядах сказывалась скорее... не в теоретических взглядах, а в практической программе»¹². Плеханов просто отвергал увлечение антиправительственным террором,

⁹ Р. М. Плеханова. Ук. соч., стр. 106, 112.

¹⁰ О. В. Аптекман. Ук. соч., 1924, стр. 24.

¹¹ Сб. «Группа "Освобождение труда"», 1925, № 3, стр. 54.

¹² М. Попов. Ук. соч., стр. 39.

опасаясь за нормальный ход агитации среди крестьян. Когда он из Воронежа приехал к своей будущей жене Р. М. Боград, то в разговорах с ней называл самообманом утверждение, будто террор и поселения в народе могут ужиться вместе¹³.

Поэтому вполне правильным надо считать мнение, неосновательно отрицавшееся М. Н. Покровским, что и после раскола землевольцев на две группы в 1879 г. взгляды Плеханова оставались народническими, бакунистскими. Заключение Покровского противоречат и собственные заявления самого Плеханова, который говорит в статье «Социал-демократизм и терроризм», напечатанной 11 августа 1904 г. в «Vorwärts», что «прежде чем стать социал-демократом, я принадлежал к так наз. народнической партии, взгляды которой сложились между прочим под влиянием Бакунина». Однако «уже летом в 1879 г. на том же Воронежском съезде я вышел из революционной организации народников «Земля и воля», так как она склонялась к терроризму»¹⁴. Весьма характерная для политических настроений Плеханова в начале 80-х годов запись содержится в его записной книжке 1880—1881 гг. В ней говорится: «Партия действует энергично — это факт, дающий надежду на победу. Террор будет продолжаться долго — поэтому правительство уступит»¹⁵.

Значит, сам Плеханов считал основанием разрыва лишь разногласия в вопросе о терроре, а его записи последующих лет показывают, что он вовсе не окончательно покончил и с террористическими установками народников. Даже позднее, 12 октября 1910 г., обнаруживая склонность к поискам марксизма в своем народническом прошлом, Плеханов писал Рубакину, что он стал марксистом с 1882 г. Даже Ю. Мартов отмечал, что Плеханов пытался создать партию «Черный передел» на старинной «почве народнического бунтарства»¹⁶, а по свидетельству мемуарной литературы в эту пору, подготавливая статьи для «Черного передела», он еще верил в

¹³ См. Р. М. Плеханова. Наша жизнь до эмиграции. Сб. «Группа "Освобождение труда"», 1928, № 6, стр. 66.

¹⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII, стр. 141.

¹⁵ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», 1934, сб. I, стр. 209.

¹⁶ Ю. Мартов. Общественные и умственные течения в России. М.—Л., Изд-во «Книга», 1924, стр. 58.

принципиальную противоположность «постановки и разрешения социального вопроса на Западе и в России»¹⁷. Кроме того, с 1880 г. Плеханов вместе с народовольцами участвовал в издании «Социально-революционной библиотеки»¹⁸ и в начале августа 1883 г. скептически относился к разговорам относительно «наступающей эпохи марксизма»¹⁹. Летом этого года Плеханов соглашался быть одним из редакторов «Вестника Народной воли» и проектировал включение своей группы чернопеределцев в состав последней. Эти колебания Плеханова объяснялись тем, что вплоть до 1883 г. он разделял взгляды народничества, да и позднее освободился от них не сразу и даже не целиком. Следы лассальянства в плехановской программе 1884 г. и признание в ней террора оставались бы иначе необъяснимыми, так как ссылки на тактические соображения и уступки настроениям молодежи явно не убедительны.

В одной из своих статей Е. Ярославский правильно датировал 1883 годом начало «систематической борьбы марксизма с народничеством»²⁰, а во главе нее как раз и стоял Плеханов. Собственным же заявлениям последнего доверять в полной мере у нас нет никаких оснований, поскольку он иногда так увлекался, что находил «несомненный марксизм» даже в своих чисто народнических статьях (например, в передовой «Черного передела» № 1, 1880 г.), как об этом свидетельствует предисловие к женевскому изданию его сочинений²¹. Да и откуда в народнический период своей деятельности Плеханов мог знать о марксизме, раз до отъезда за границу, как подтверждает Дейч, он был знаком лишь с сочинениями Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Писарева, Миртова (Лаврова), Флеровского (Берви), Лассалья, Бокля, Дрепера, Милля, Луи-Блана и т. д., а учителем Плеханова, пробудившим у последнего интерес к поли-

¹⁷ Р. М. Плеханова. Наша жизнь до эмиграции. Сб. «Группа "Освобождение труда"», 1928, № 6, стр. 94.

¹⁸ См. Н. Батулин. «Очерк истории социал-демократии в России», М., 1917, стр. 20.

¹⁹ Л. Дейч. О сближении и разрыве с народовольцами. «Пролетарская революция», 1923, № 8, стр. 40.

²⁰ Ем. Ярославский. Борьба за создание социал-демократической рабочей партии в России. М., Изд-во ВПШ при ЦК КПСС, 1941, стр. 61.

²¹ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. VII.

тической экономики вообще и, в частности, к «Капиталу» Маркса, был Фесенко — народник, участник «хождения в народ»²².

Но Плеханов был не только практическим деятелем народнического движения, во второй половине 70-х и в начале 80-х годов он являлся его теоретиком, и написанные им в ту пору статьи предназначались для обоснования теоретических позиций народничества. Больше того, народническую концепцию Плеханов развивает также и в своих мелких заметках того времени, в том числе наиболее ранних.

Она нашла яркое выражение уже в его корреспонденциях, которые печатались тогда на страницах «Земли и воли». Так, 15 декабря 1878 г. во втором номере этого издания была напечатана его статья «Каменская станица», в которой он отмечает оппозиционные выступления донского казачества. Как говорит при этом Плеханов, «вся русская история представляет не что иное, как непрерывную борьбу государственности с автономными стремлениями общины и личности», эта борьба «тянется красной нитью через все 1000-летнее существование русского государства». Придавая столь большое значение общине в истории России, он и считает нужным рассказать «о волнениях донских казаков по поводу введения новых правил пользования общественными лесами», в силу которых общинные леса делились на 30 равных участков и казакам разрешалось ежегодно вырубать лес только на одном из них²³.

Это нововведение ущемляло права казаков на общинные леса и встретило в станице Каменской решительное сопротивление. Однако оно закончилось обычным примирением казаков с начальством. Между тем, обобщая опыт волнений казачества, Плеханов утверждал, что они показали «полную возможность единодушного действия, так как причины недовольствия одинаковы во всем войске» и «казаки хорошо знают это», причем ни в какой другой части населения России нельзя встретить более осмысленного и более сильного недовольства существующим порядком вещей²⁴.

²² Л. Дейч. Молодость Г. В. Плеханова. «Былое», 1918, № 13, стр. 139, 143.

²³ Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 29, 31, 33—35.

²⁴ Там же, стр. 34.

Как и другие народники, Плеханов усматривал корень социально-политических конфликтов в России в столкновении автономности общин (сельских и областных) с бюрократической государственностью, а при осуществлении своих революционных планов ориентировался на использование традиционных начал общинной жизни. Само «вольное казачество» рисовалось ему хранителем этих начал и боевые традиции прошлого представлялись достаточным основанием для того, чтобы революционеры могли рассчитывать на энергичную поддержку «славного войска Донского». Даже примирение станичного казачества с требованиями земского начальства не обескуражило Плеханова. Он по-прежнему считал возможными единодушные их выступления против самодержавного режима. Протест казачества казался ему наиболее осмысленным по сравнению с недовольством других категорий населения. Он явным образом игнорировал буржуазный характер движения, так как казаки станицы Каменской вовсе не страдали малоземельем и стремились сохранить за собой общинные леса и другие угодья в таком количестве, при котором их хозяйство имело бы широкие возможности капиталистического развития.

Но наиболее резко основы своего народнического мировоззрения Плеханов выразил в статье «Об чем спор?», опубликованной в декабре 1878 г.²⁵ Статья Плеханова является ответом на очерки Глеба Успенского, печатавшиеся в журнале «Отечественные записки» (январь 1878 г.) и вызвавшие решительный протест правых народников, так как Успенский показывал рост кулачества в деревне. Кроме Плеханова против Успенского тогда выступил также Каблиц (Юзов), считавшийся ортодоксальным теоретиком народничества²⁶.

Как видно из статьи «Об чем спор?», Плеханов не сомневается в прочности общинных устоев русской деревни и артельных принципов действия «скопом». Он считает русского мужика свободным от индивидуализма западноевропейских крестьян и находит бесспорные тому доказательства в самой истории России, поскольку даже беглые крепостные, вырвавшись на волю, воссоз-

²⁵ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 399—408.

²⁶ См. В. Козьмин. Один из первых литературных опытов Г. В. Плеханова. «Каторга и ссылка», 1927, кн. 7, стр. 44.

давали в XVI—XVIII вв. на окраинах страны все те же общинные формы землевладения и землепользования, автономного политического устройства. Проявления общинного духа русской деревни Плеханов усматривает повсюду, и даже покупка быка для общественного стада представлялась ему важным доказательством того, что мачеха-история еще не вытравила у крестьян их исконной привязанности к артельным началам хозяйственной деятельности. Но он сам же отмечает, что иногда расходы отдельных общинников на покупку такого быка не превышали восьми гривен и, следовательно, ничтожно мало затрагивали их хозяйственные интересы. В пылу негодования против скептицизма Глеба Успенского Плеханов считал возможным аргументировать даже ссылкой на факты общинной аренды крестьянами помещичьих земель. Его не смущало при этом, что полученная таким образом земля все-таки делилась среди общинников для обычного использования в частном хозяйстве и притом сообразно их хозяйственным возможностям. Больше того, артельная ловля рыбы уральским казачеством кажется Плеханову ярким проявлением их общинного духа, хотя она становилась естественной в силу социальных условий, делавших ее технически необходимой. Его приводило в восторг, что казаки выделяли при этом некоторую часть улова для стариков и больных. Он смело квалифицирует это как применение более высокого принципа в распределении общественного богатства — «каждому по потребностям» — сравнительно с обычным для общины трудовым землепользованием. Плеханов игнорирует тот очевидный факт, что подобные мероприятия сводились просто к раздаче общественной милостыни и не имели принципиального значения для характеристики хозяйственных отношений казачества. Наконец, Плеханов использует пословицы русского народа, хотя их происхождение терялось в глубине веков и совершенно не отражало социально-экономических условий XIX в. По мнению же Плеханова, в них выражались высокие альтруистические чувства русского крестьянства и «общинный дух» последнего. В этой статье Плеханов настолько оказывается во власти народнических предрассудков, что и среди фабричных рабочих Петербурга находит признаки «общинного духа», противопоставляя их заводским рабочим, страдающим нежелательным ин-

дивидуализмом горожан. Он обходит молчанием тот факт, что артельные общежития фабричных рабочих были результатом царившей среди них жилищной нужды, общей нищеты и сезонности самой их работы на питерских фабриках.

Плеханов дает чисто народнический ответ и на «проклятый вопрос» того времени, «что делать?», рекомендуя не искажать общинных начал крестьянской жизни, которые якобы «гарантируют народу светлое будущее», так как поползновениям кулачества «отпор дается общинным владением землею». Это была ортодоксально народническая программа действий.

Правда, сам он вынужден был признать, что и на него произвели тяжелое впечатление картины деревенской жизни, нарисованные Глебом Успенским. Однако из своих переживаний Плеханов вовсе не делал теоретических и политических выводов.

Весьма определенно народнические установки Плеханова конца 70-х и начала 80-х годов отразились в его статье «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», опубликованной 15 января 1879 г. в третьем номере «Земли и воли».

В четвертом номере «Земли и воли» было помещено продолжение этой статьи, в котором Плеханов определяет задачи деятельности русских социалистов среди городских рабочих²⁷.

Эта статья имеет особенно важное значение для характеристики взглядов Плеханова в народнический период, потому что она была написана в момент наивысшего подъема общества «Земля и воля» по прямому поручению его руководящего центра и печаталась как изложение программы землевольцев, ее обоснование. Следовательно, статья Плеханова одобрялась землевольцами как программный документ и вполне ортодоксальное изложение взглядов революционного народничества 70-х годов. Она доставила ему популярность среди революционной молодежи, группировавшейся в обществе «Земля и воля», он стал его теоретиком и одним из редакторов центрального органа. Само содержание статьи вполне оправдывает такое заключение. В ней Плеханов делает попытку развернуто обосновать эконо-

²⁷ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 56, 57—63, 65—66, 69—70, 74.

мическую концепцию народничества и его политическую программу. Комментаторы этого произведения обычно акцентируют на том, что в нем Плеханов рассуждает как «экономический материалист» и чуть ли не марксист, уклоняясь якобы весьма далеко от чисто народнической точки зрения. Но подобное заключение ошибочно. Экономический материализм Плеханова, естественно, был далек от подлинного марксизма и не исключал идеалистических выводов. Больше того, даже к экономическому материализму он апеллировал только отчасти.

Правда, Плеханов признает значение материальных предпосылок социализма и высмеивает всех, кто считает социальные перевороты результатом произвола революционеров. Он восхищается тем, что в построениях Маркса «социализм является сам собой из экономических условий», однако отвергает идею единой исторической закономерности, не признает общезначимости социальных законов, обязательной последовательности исторических эпох в развитии человечества. Он ограничивает сферу действия установленных Марксом законов территорией Западной Европы и утверждает, что к востоку от границ Российской империи прекращают свое действие обычные закономерности. В этом вопросе Плеханов стоял на позициях идеализма и его экономический материализм давал осечку, ретировался перед явно идеалистическими заключениями в духе народнической социологии.

С другой стороны, то обстоятельство, что Плеханов упоминает имя Маркса и ссылается на него, не дает оснований утверждать, будто уже в этой статье он близок к марксизму. На самом деле Плеханов использует авторитет Маркса для обоснования народничества и не придает автору «Капитала» самостоятельного значения, относя его к «блестящей плеяде» социалистов наряду с Родбертусом и Дюрингом, авторитет которых, видимо, был для него вне сомнения. Плеханов этой поры расценивал марксизм лишь как один из многих вариантов «западного социализма» и понимал его узко, одномерно, преимущественно как экономическую концепцию.

Зато в духе правоверного народничества он переоценивает историческую роль общины, считая ее определяющим фактором социальных закономерностей, антитезой естественного закона и исторической необходимости. В стране общинного землевладения он не признает дей-

ствия «экономического закона», который возникает якобы только с распадом общины. Поэтому Плеханов смело и неосновательно противопоставляет общинную Россию индивидуалистическому Западу, пытаясь доказать, что на русской равнине теряют свое значение законы исторической необходимости, и Россия может миновать стадию «капиталистической продукции». В крестьянской общине Плеханов видит спасительное учреждение России, залог ее блестящего будущего и не находит в ней тех внутренних противоречий, которые могли бы повлечь за собой конечное падение общинного строя. Он даже утверждает, что по сравнению с капиталистическим производством община представляет собой более высокую степень кооперации и, разрушая последнюю, капитализм неизбежно обуславливает упадок «социальных чувств». Коллективизм, как требование западноевропейских социалистов, представляется Плеханову уже осуществленным в России. Тем самым, по его мнению, становятся возможными особые пути социально-экономического развития России, ведущие непосредственно к общинному социализму, минуя капитализм.

Кроме того, Плеханов в этой статье дает чисто народническую характеристику русского капитализма, особенно пролетариата. Доказывая возможность некапиталистического развития пореформенной России, он ссылается на малочисленность ее рабочего класса и деревенские симпатии городских рабочих, отождествляя последних с крестьянами, попавшими в город на отхожие заработки.

Плеханов не учитывает при этом прогрессивной роли крупного капиталистического производства, которая отнюдь не определялась только численностью рабочего класса России и даже удельным весом крупной промышленности в ее экономической жизни. Он не замечает общего экономического превосходства капитализма над отсталыми хозяйственными формами.

Наконец, Плеханов ультранароднически определяет политические задачи социалистов в России, призывая к осуществлению программы Булавина и Пугачева, рекомендуя массовый террор, использование городских рабочих как крестьянских агитаторов, своего рода «воровских прелестников» времен Разина. В русском пролетариате он видит лишь полезного союзника крестьянства.

2530

С движением крестьянства связывает он судьбы общинного социализма, реализацию задач революционной интеллигенции. Противодействие развращающему влиянию государства на общину он, как принципиальный народник, считает одной из самых важных задач русских социалистов.

Таким образом, статья Плеханова «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» показывает Плеханова бакунистом, разделяющим все утопические взгляды и предрассудки революционно-народничества 70-х годов.

Народнические взгляды Плеханова нашли отражение и в его статье «Поземельная община и ее вероятное будущее», опубликованной в журнале «Русское богатство» в январе 1880 г.²⁸

Трудно выделить среди его произведений что-нибудь более противоречивое. Утверждая одно, Плеханов тут же выдвигает нечто совсем другое. Так, пускаясь в долгое опровержение выводов М. Ковалевского о «самопроизвольности» причин разложения общины, Плеханов в конце концов сам признает наличие таких «самопроизвольных», т. е. внутренних, факторов распада как родовой, так и поземельной общины. Протестуя против разграничения Ковалевским причин распада общинного землевладения на «самопроизвольные» и искусственные, Плеханов все же сам противопоставляет внешние влияния внутренним процессам в эволюции общины.

Отвергая тезис Ковалевского о разложении общины как вполне закономерном «мировом явлении», Плеханов в то же время заявляет, что переход от коллективизма к индивидуализму составляет существенное содержание истории каждого народа. Ставя под сомнение эффективность внешних факторов разложения общины, отмечаемых Ковалевским, Плеханов одновременно признает разрушительное влияние на общину завоеваний, насилия вообще, вековой борьбы победителей с побежденными. Больше того, он предлагает спасти русскую общину усилиями интеллигенции, хотя сам же утверждает, что разложение общинного строя обусловливается внутренними тенденциями его развития, именно эволюцией тех-

²⁸ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 77—87, 98, 85, 90—91, 93—94, 103, 84, 82, 105, 106, 107.

ники, прежде всего орудий труда. Не отрицая закономерной обреченности общины, Плеханов тем не менее возлагает свои упования на благоприятное для нее стечение обстоятельств, которое обеспечит ей блестящее будущее. Единственным аргументом в пользу народнической программы «общинного социализма» в его статье является ссылка на то, что община в России еще сохранилась (объяснение этому, естественно, следовало бы искать в экономической отсталости русской деревни). Однако автор теряет и этот аргумент, когда он обращается к статистическим материалам Орлова, характеризующим процесс разложения общины в Московской губернии. Плеханов оказался не в состоянии противопоставить что-либо этим материалам и поэтому счел за лучшее солидаризироваться с некоторыми из них, отметив несколько примеров углубления социальной дифференциации.

Таким образом, статья Плеханова о поземельной общине, безусловно, народническая. Но в ней он больше прокламирует свои народнические установки, чем обосновывает их, скорее уверяет, чем доказывает. Он надеется лишь на благоприятное стечение обстоятельств, считая возможным и такой вариант развития России, при котором деревенская община станет основой социалистических преобразований.

Плеханов по-прежнему остается народником и далек от марксизма, но он уже в смятении, чувствует бессилие экономической концепции народничества в обосновании «общинного социализма», колеблется и теряет свою принципиальность среди хаоса диаметрально противоположных утверждений. Он явно не в состоянии при этом свести концы с концами, овладеть фактическим материалом Ковалевского и Орлова, противопоставить выводам последних свою контраргументацию. Автор уповает на счастливую случайность и вероятные обстоятельства, однако это фактически означало признание несостоятельности теоретических позиций народничества.

Плеханов выступил в этой статье с защитой народничества, но потерпел решительное поражение и не смог выдвинуть чего-либо оригинального для обоснования народнической концепции.

Статьи, которые печатал Плеханов в «Черном переделе» (1880), также чрезвычайно ярко отразили его

народнические установки²⁹. В них автор вновь выступает теоретиком народничества. Здесь нет колебаний, характерных для статьи «Поземельная община и ее вероятное будущее». Плеханов игнорирует теоретические затруднения, встреченные им при попытках научно обосновать народнические идеи «общинного социализма». Об этом свидетельствует тот факт, что он без всяких оговорок повторяет народнический тезис о самобытности экономического развития России, находя в ее деревнях «задатки для развития полного коллективизма». Вместе с тем чисто народнически Плеханов отождествляет «трудящиеся массы» с крестьянством, считает ничтожным промышленное развитие России и предлагает начинать «социалистическую деятельность» среди крестьянства. Он смело заявляет, что гордиев узел социальных проблем России будет разрублен именно крестьянским топором. Обычным для народников образом автор проектирует слияние социалистической интеллигенции с крестьянством. Правда, Плеханов отрицает свое пристрастие к особому «крестьянскому социализму», но его заверения остаются неаргументированными. Фактически он в качестве представителя революционного народничества как раз и выражал крестьянские требования революционно-демократической ломки аграрного строя пореформенной России.

Плеханов считал, что чернопердельцы на первый план должны выдвигать земельный вопрос, столь актуальный для крестьян, которые, как писал он, с завистью смотрят на барскую и казенную землю. Плеханов формулирует бакунинский тезис землевольцев и чернопердельцев об основательности равнодушия народа к политике и прокламирует задачи экономического переворота в традиционно народническом духе.

Значит, обособление Плеханова от народовольцев вместе с группой «Черного передела» (после Воронежского съезда) не внесло принципиальных изменений в его идейные установки. Он по-прежнему стоял в своей экономической концепции на позициях народничества. Статьи, печатавшиеся в «Черном переделе», подтверждают это. Правда, в работе теоретического характера,

появившейся в «Русском богатстве», он обнаруживал колебание по вопросам первостепенной важности. Однако «Черный передел» как боевой орган «социалистов-федералистов» нуждался в ортодоксальных статьях, и Плеханов писал их как убежденный народник.

Таким образом, длительное время Плеханов был настоящим народником. Важно подчеркнуть, что он относился к числу революционных народников, которые пытались поднять крестьянство на революцию, свалить деспотический режим абсолютизма и смести остатки крепостничества. Как известно, революционные народники того времени сыграли важную роль в борьбе с самодержавием, в исторической подготовке буржуазно-демократической революции. Их заслуги высоко оценивал В. И. Ленин, критикуя либеральное народничество последующего периода. Между тем в истории революционного народничества второй половины 70-х годов Плеханову принадлежит почетное место. Он развивал в своих статьях революционно-демократическую программу, требуя ликвидации самодержавия и пережитков крепостничества, раздела земель и т. д. Поэтому и народнический период деятельности Плеханова имел важное значение для его идейной эволюции. Он прошел своеобразную школу русской революции, школу подпольной борьбы, требовавшей беззаветной преданности своему народу и его революционному делу. Боевые настроения революционного народничества 70-х годов оказали на него положительное влияние. Идея радикальной революции была выстрадана им в народнический период. Пройдя школу революционного подполья, Плеханов стал восприимчивым к революционным идеям марксизма. Поэтому правильно указывает И. Б. Миндлин, что такая школа имела значение для перехода Плеханова на позиции марксизма³⁰. Конечно, только немногие из революционных демократов 70-х годов стали марксистами. Но это значит, что эволюция взглядов Плеханова в сторону марксизма была обусловлена многими причинами. Зато не подлежит сомнению, что в истории русской общественной мысли Плеханов оказался связующим звеном между революционным демократизмом Чернышевского и пролетарским социализмом Маркса.

²⁹ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. I, стр. 115—116, 120—121, 124, 126, 128—129, 131.

³⁰ «Вопросы истории», 1956, № 12, стр. 5.